

Предпринимательство в России

© 1994 г.

Журнал «Социологические исследования» опубликовал несколько материалов из личного фонда П.А. Сорокина (1889-1968), хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации. Относятся они в основном к периоду становления молодого ученого.

Между тем, в российских архивах находится много статей П.А. Сорокина, которые не смогли выйти в печать из-за цензуры большевистского правительства в то время, когда П.А. Сорокин был уже зрелым ученым.

Одна из таких статей - «Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства» написана незадолго до высылки ученого за границу и предназначалась к публикации, по-видимому, в петроградском журнале «Артельное дело», поскольку была обнаружена нами в фонде главного редактора этого журнала - В.С. Миролубова в ИРЛИ (Пушкинский дом).

Заголовок статьи говорит сам за себя.

Ее актуальность для нынешнего времени очевидна. Ныне, как и тогда, «социальные конвульсии в равной мере не желательны ни для власти, ни для народа».

Хочется, чтобы эти слова П.А. Сорокина были услышаны здесь, сегодня - в России.

Ю. Майков

©1994 г.

П.А. СОРОКИН

ОБ ОСНОВНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАШЕГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

§ 1

Основная задача возрождения России сейчас сводится прежде всего к возрождению народного хозяйства. Под этим возрождением применительно к данному моменту приходится понимать не расцвет его, не взлет на максимально высокие ступени хозяйственного развития, достигнутые Западом, - зачем мечтать о недосыгаемом! - а просто приостановку дальнейшего процесса разрушения и обнищания, больше того, приостановку или ослабление голодного вымирания населения России. Задача более скромная, но, несмотря на это, до сих пор, превосходящая наши силы. Решение этой задачи может лежать либо в области производства, либо в области распределения, либо в той и другой. Для наших условий область распределения не дает выхода: с помощью изменения последнего, в частности, поравнения благ, мы пытались решить за эти годы задачу и не решились. Сейчас распределено все. Имущественной дифференциации почти нет. Распределять больше нечего. Все бедны. Стало быть выход из тупика приходится искать в области производства. Возрождение народного хозяйства России сводится таким образом к количественному увеличению и качественному улучшению производства страны. Значение же проблемы распределения сведется просто к принципу сокращения непроизводительных расходов страны. Это условие важное, но при данных обстоятельствах второстепенное.

Для достижения первой цели нужен ряд условий. Последних много. Я намерен остановиться только на некоторых из них, а именно: 1) на формах самого распределения благ, наиболее благоприятствующих количественному и качественному росту производства, 2) на том, благоприятствует или тормозит этой цели широкое вмешательство государственной власти в область «экономики», в частности, нужно ли сейчас дальнейшее сокращение или наоборот расширение имеющегося в РСФСР объема «экономических функций» государства, 3) на морально-правовых условиях,

наиболее стимулирующих хозяйственную энергию населения в смысле количественного и качественного поднятия производительности его труда. Все другие условия я оставляю в стороне. Да и этих трех проблем я принужден коснуться в основных чертах. Причем, многое из того, что скажу я, вещи старые. Но эти старые истины в свете нашего громадного эксперимента последних лет лишней раз получают подтверждение - что довольно важно само по себе, а во-вторых, напоминание трюизмов, когда об них забывают и не хотят с ними считаться, не только допустимо, но прямо необходимо. За каждую лишнюю неделю, за каждый лишней месяц ошибочной экономической политики сейчас приходится расплачиваться... вымиранием тысяч людей, не в переносном, а в буквальном смысле этого слова. Это «маленькое обстоятельство» оправдывает и напоминание трюизмов. Перейдем к ним.

§2

Уже давно было замечено, что уравнительное распределение и интенсивное производство - явления несовместимые. Последнее требует максимального напряжения хозяйственной (и психической и физической) энергии человека. Уравнительность эту энергию тормозит: она стимулирует и «благословляет» лень, бесхозяйственность, вялость и паразитизм ленивых, вялых, слабых и беззаботных лиц, гарантируя им долю благ равную с другими, и она же тормозит и гасит энергию, инициативу, максимально напряженный труд хозяйственно сильных лиц, делая их труд бесплодным для них самих, больше того: вредным, ибо энергии «дарования и способности в этих условиях не дают никаких преимуществ, напротив, составляют невыгоду, потому что ими обуславливается усиленная и ничем не вознаграждаемая потеря энергии»¹. Требовать от них такого самоотверженного самопожертвования, непрерывного в течение всей жизни, это значит требовать невозможного, это значит требовать искоренения самых основных наследственно полученных рефлексов индивидуального самосохранения, присущих всякому организму. Когда люди будут ангелами - такое самоотвержение быть может они и будут проявлять, пока же из миллиона лиц едва ли найдется один, поведение которого фактически удовлетворяло бы этому требованию. Найдется быть может несколько человек, способных к моментальному «одноактному» самопожертвованию. Но и только. Жертвовать же собой ежедневно, непрерывно, без всякой выгоды, поощрений, славы и похвал, извините, таких лиц днем с огнем не найдешь. Если же эти похвалы и поощрения (хотя бы в виде «Занесения на красную доску» или «благодарности отечества») будут, то это будет уже нарушением равенства, раз не может быть применимо в массе ко всем «за совесть трудящимся», за применение же к единицам дела не исправит, ибо единицы потонут в массе плохо работающих лиц (три); если же такие «поощрения» будут массовыми - они теряют *raison d'être*, ставши из исключения нормой, по самой своей сущности, далее они могут быть стимулами редкими: нельзя Иванова каждый день торжественно заносить «на красную доску»; такое злоупотребление стимулом поощрения превращает его в скучный будничнейший обряд, способный набить оскомину не только награждающим, но и награждаемому. А редкое применение его, как и всякого редкого действующего стимула, неспособно вызывать непрерывное напряжение хозяйственной энергии, требуемое задачей. Словом, все разговоры о том, что люди могут столь же интенсивно работать бескорыстно, на пользу ближних, как и для собственной пользы, представляют симпатичный вздор и только. Если бы они были равны по своим силам, способностям и поведению - дело обстояло бы проще. Но этого нет. А поэтому уравнительное распределение неизбежно требует непрерывного самопожертвования от хозяйственно сильной части общества, т.е. требует невозможного.

Мудрено ли поэтому, что обычным следствием такой уравнительности служит рост бездельничания лентяев и хозяйственно бесплодных лиц, с одной стороны, падение и

---

¹ Спенсер Г Основания социологии. СПб., 1898. Т. II. 690-696.

ослабление хозяйственной активности энергичной в экономическом смысле части общества, с другой. А конечным результатом такого явления служит падение производительности страны и общее обнищание, тем более сильное, чем дольше длится такая система и чем строже она проводится. Такое общество не только хозяйственно производить, но даже существовать не может. Оно обречено - рано или поздно - на вымирание в буквальном смысле этого слова.

Отсюда понятна связь явлений, замеченная некоторыми экономистами, в частности Шмоллером², что эпохи хозяйственного расцвета обычно совпадают с эпохами роста, имущественной дифференциации, эпохи экономического упадка - с периодом ослабления последней, с периодом роста «уравнительного распределения» в той или иной форме. В этой уравнительности лежит и одна из главных причин обнищания нашей страны за эти годы. Премируя и поощряя право на лень хозяйственно слабых слоев и подавляя все стимулы к напряженной экономической работе «сильных» элементов, наша уравнительная политика неизбежно должна быть сильнейшим образом понизить производительность населения. Мы видели, что рабочие перестали работать по-настоящему; трудовое, крепкое крестьянство сократило посевы, у «организаторов» предприятий отнят был мотив работать серьезно; а лентяям за счет первых была гарантирована доля благ. Одни стали по праву лодырничать, другие занялись бумажным делопроизводством, третьи стали «дурака валять», создавая видимость, что они что-то делают, четвертые - из научных авантюристов и проходимцев - принялись с азартом за «массовое производство» бумажных проектов «налаживания хозяйства», и «поднятия производительности труда», один нелепее другого, один дороже другого, и процветали, вырывая из тощей казны государства в свою пользу солидные куши, кредиты и пайки... Действительность 1920 и 1921 гг. подвела итоги этому «рационализированию» и «налаживанию» хозяйства в виде разрушенного транспорта, остановившихся фабрик и заводов, разрушающихся городов, падения сельского хозяйства и 30 миллионов вымирающих от голода людей.

Раз вынута была из поведения людей живая и непрерывно действующая пружина, стимулирующая к напряженнейшей хозяйственной деятельности, пружина, называемая «личным интересом» «хозяйственной автономностью и ответственностью лица», все другие, искусственные стимулы (агитация, апеллирующая к социальным мотивам людей, «субботники», занесение на красную доску, ордена, похвалы в газетах и т.д.) заменить ее не могли и не могут. Их роль совершенно никчемна и ничтожна. Более реальна роль прямого принуждения (трудовой повинности и т.д.), но ниже мы увидим, что и она не способна дать сотую часть того положительного эффекта, который дает стимул «личного интереса». Что же касается всевозможных «ученых» и, вернее, псевдоученых комиссий по «тейлоризации» и «научной организации труда», пышно распустившихся за эти годы у нас, то они в наших условиях напоминают мне общество тоннах гастрономов, с серьезным видом обсуждающих меню исключительно изысканного обеда... при отсутствии простого куска хлеба. Здесь просто или «дурака валяют» или под этим предлогом пополняют свой бюджет «Чичиковы от науки». И только. Наш эксперимент поучителен, хотя он не первый и не последний в истории. Изучение предыдущих исторических опытов такого рода показывает, что все попытки проведения резкой уравнительности приводили к обеднению и падению хозяйства. Исключением являются только те «общества равных» (например, спартиатов, липарцев или афинян, частью римлян, таборитов и т.д.), которые могли эксплуатировать - обычно военным путем - другие общества или целые сонмы рабов и крепостных, заставляя их кормить себя. В такой «акционерной компании паразитов», которые сами не сеют, не жнут, а только собирают в житницы, возможна некоторая уравнительность (грабителей, поровную делящих добычу), такие общества могут существовать довольно долго, не вымирая, но потому только, что они грабят других и делят

---

² См.: *Schmoller*. Die Einkommensverteilung alter und neuer Zeit Ball, der Just, intent de statist T. IX, I. № 17.

добычу, и до тех пор только, пока могут грабить. Кончается грабеж - кончается и экономическое благоденствие таких обществ, они беднеют и... начинают вымирать.

Нет надобности говорить, что нам сейчас некого грабить, если под словом «нам» разумеет все население России, а не какую-нибудь маленькую группу в пределах этого населения. А потому этот путь также исключен для нас. После трехлетнего опыта «уравнения» власть, наконец, вспомнила про все эти трюизмы и порвала с принципом уравнительного распределения. «Новая экономическая политика» представляет резкое проявление этого разрыва. Нужно ли говорить, что эта перемена курса представляет правильный шаг, хотя и весьма запоздалый. Без этого разрыва с уравнительностью распределения, без включения в поведение людей выключенного раньше «бессознательно-гениального» и ничем незаменимого стимула «личного интереса» поднятие и усиление производства совершенно невозможны, следовательно, невозможно и приостановление процесса вымирания.

Признавая вполне правильным этот переход к «новой экономической политике», я должен, однако, отметить, что он делается недостаточно решительно и не всегда проводится так, как следовало бы проводить. Примером такой нерешительности служит отсутствие до сих пор ясного и категорического признания права собственности. Для иностранцев оно, по крайней мере в нотах Комис. Иностр. Дел признано, для граждан РСФСР такое признание пока не имеется. Имеются лишь его суррогаты. Практика же, особенно в провинции, не всегда выполняет и те декреты, которые пытаются узаконить суррогаты собственности.

Примером не вполне удачного проведения «новых начал» может служить система взимания продналога. Вместо точно определенной нормы его под давлением необходимости власть принуждена была взимать продналог два-три раза по принципу: "чем больше удастся выкачать - тем лучше". Нужно ли говорить, что явления такой нерешительности и непоследовательности самым серьезным образом ущемляют стимул «личного интереса» и его положительных эффектов. Последний может быть действенным только при условии уверенности лица в прочности своих прав на результаты своей хозяйственной активности. Отсутствие права собственности, нарушения его суррогатов, указанная практика взимания продналога и т.д. - все это уверенность делает невозможной, а потому сильнейшим образом мешает и росту производительных сил страны. Именно в этих условиях лежит одна из причин нездорового оживления хозяйственной деятельности нашего времени, сплошь сводящейся к спекулятивной ажиотации. «Личный интерес», лишенный прочной гарантии, проявляется не в формах здоровой хозяйственной деятельности, требующей часть затрат, плоды которых будут лишь через ряд лет, а в формах чистого хищничества, стремящегося в течение пары дней урвать что можно, или использовать без риска то, что осталось еще от прежних лет (аренды мельниц и др. предприятий, без риска позволяющих выжать из них кое-что ценой окончательного их разрушения). Для возрождения здоровой хозяйственной деятельности необходимо снять эти тормоза. Необходимо предоставить максимально широкий простор «личному интересу». Говоря так, я, однако, должен оговориться. Если уравнительное распределение я считаю условием, удушающим развитие производительных сил и ведущим к обнищанию, то из этого не следует, что я в обычных условиях самым спасительным считаю максимальное имущественное неравенство, ведущее к безмерной роскоши с одной стороны, и к нищете - с другой. Такого рода абсолютная свобода «личного интереса» имеет свою оборотную сторону: она толкает нищие массы на разгром существующего порядка, усиливает в них тенденцию уравнильности, вызывает «прямое действие», направленное на эти цели, и, в конечном итоге, порождает преступления, волнения, бунты, революции, ведущие к тому же разгрому производительных сил страны. Вот почему в обычных условиях самым спасительным путем является свобода «личного интереса», но в определенных границах, имущественная дифференциация, но до известной меры. Обе крайности - резкая уравнительность и безмерное имущественное неравенство - ведут к печальным результатам.

В наших условиях это обстоятельство также следует учитывать. Но у нас «личный интерес» пока не только далек от этой своей гипертрофии, а далек еще от той минимальной свободы, при которой он только и может быть действенным. Далее, обнищание страны зашло так далеко, что лучше перегнуть палку в сторону гипертрофии свободы «хозяйственной автономии», чем в сторону уравнительности. Эти обстоятельства делают вполне понятным основное требование момента: шире дорогу личному интересу! Прочь тормоза, мешающие полному проявлению его экономических эффектов! Таково первое условие, необходимое для поднятия производительных сил страны.

§3

Вторым основным условием достижения той же задачи является сокращение до возможного минимума «экономических функций» государства. За последний год объем последних в РСФСР сократился; государство отказалось от многих форм вмешательства, опеки и регулирования ряда отношений в области производства, обмена и распределения. И все же имеющийся объем его «экономических функций» непомерно велик и широк. Мотивом, заставляющим меня выставлять такое положение, служит прочное убеждение, что «государственно-принудительное» или «государственно-капиталистическое» хозяйство, особенно в наших условиях, есть наихудшая форма хозяйства, как с точки зрения развития производительных сил страны, так и с точки зрения интересов трудовых масс и их эксплуатации. Я знаю, что это положение для многих звучит парадоксально, особенно в наше время - время веры в спасительную роль огосударствления всего и вся. Постараюсь кратко объяснить корни этого «парадокса».

Первым основанием его служат «опыты» истории. Правда, они ставились не экспериментатором, а жизнью. От этого, однако, они не теряют своего научного и практического значения. Вопреки распространенному мнению, что «огосударственное хозяйство» (т.е. хозяйство, где государственная власть централизованно заведует функциями производства, обмена и распределения и регулирует их в широчайшей степени), что такое общество и хозяйство есть явление нового времени, я утверждаю, что такая форма общества и общественного хозяйства явление старое, более старое, чем «анархически-капиталистическое» общество, построенное на принципе автономного, децентрализованного регулирования экономических отношений самим населением. В истории мы находим множество примеров такого общества, то в большей, то в меньшей степени приближающихся к предельному типу «огосударственного общества». Такой тип общества мы находим у ряда т.н. «варварских народов»: амантиев, даомейцев и особенно перувианцев в государстве Инков³. Такой тип общества и общественного хозяйства мы находим сильно выраженным в древних деспотиях Востока: в древнем Египте, в Ассирии-Вавилонии и Персии, еще резче он дан в античных греческих государствах: в Спарте, в Афинах, в Липаре и др.; то же приходится сказать и о Древнем Риме, особенно III-V вв. по Р.Х., Византии и большинстве средневековых общин, особенно Итальянских республиках средневековья в начале нового времени, таковы известные государства таборитов и иезуитов. Резким образом приближались к этому типу в отдельные эпохи и ряд государств нового времени: Пруссия во время Фридриха II, Австрия - в период Иосифа II, Россия - при Алексее Михайловиче и особенно при Петре I (вообще время «административной монархии и просвещенного абсолютизма» есть время сильнейшей деформации строения общества и народного хозяйства в сторону «огосударствления»), Франция - при Людовиках XIV-XVI и особенно в период революции и Наполеона⁴.

³ См. краткое описание их в моей статье «Влияние войны на состав, свойства населения и обществ, организацию». Экономист. VI. 1922. Война и милитаризация общества. Артельн. дело № 1-4. 1922. См. также: *Спенсер*. Основания социологии. Т. II. Гл. о военных и промышленных обществах.

⁴ См. краткие характеристики этих обществ в указанных моих статьях и в ст. «Влияние голода на

Наше время, начиная с 1914 г., только один из многих случаев деформации строения общества в сторону «огосударственного типа». Только полное невежество позволяет многим думать, что «огосударствление» есть абсолютно новейшее явление, не имевшее места в истории. Раз дело обстоит так, то вполне законным является вопрос: а как отражалось такое непомерное расширение экономических функций государства на хозяйственном развитии и процветании соответственных обществ? Вызывало ли оно расцвет их производительных сил или упадок? Рост обеспеченности масс или их обнищание? Развитие их свободы или рабства? Уменьшало ли эксплуатацию масс или усиливало?

Под влиянием нашего опыта я обратился к исследованию этих вопросов в прошлых опытах истории и пришел к указанному отрицательному отношению к расширенному объему экономических функций государства.

Как общее явление, строго проведенное огосударствление хозяйства вызывало не расцвет его и производительных сил общества, а напротив - ослабление, падение и обнищание страны. Особенно яркие примеры такого рода даны: античные государства Греции IV-III вв. до Р.Х., Римская империя III-V вв. по Р.Х., Византия и др. Верхушки общества могли жить здесь привольно, богато и пышно, зато низы - огромная масса народа - были нищими и вымирали. Как общество, где производство превышалось потреблением, они нищали и гибли. Мнимым исключением отсюда являются ряд таких огосударственных обществ, живших довольно долго и как будто процветавших экономически. Но при ближайшем рассмотрении вопроса оказывается, что такое «процветание» (и то на верхушках) и сравнительная долговечность были основаны или на «зыбучем песке» военных удач: военного захвата, эксплуатации и грабежа завоеванных стран (Восточные деспотии, Афины, Спарта - периода их гегемонии, Рим - республиканский период и в I—II вв. по Р.Х., государство инков, таборитов, ряд средневековых государств, Пруссия и Австрия времен Фридриха и Иосифа, Франция Наполеона и т.д.), или куплены были ценой бесчеловечного закрепощения, рабства и эксплуатации широких трудовых слоев народа, обреченных на бесправие, нищету, голод и смерть. (Римское и Греческие хозяйства эпохи расцвета, построенные на рабстве, государства инков и иезуитов, Россия Петра и его ближайших преемников и т.д.). Благополучие таких обществ, построенное на военном грабеже, длилось ровно столько, сколь долго продолжались военные удачи и все новые и новые завоевания, дававшие золото, драгоценности, скот, хлеб, рабов или «рабочий скот» и др. богатства. Кончались военные удачи, отпадала возможность новых и новых завоеваний - рушились и «глиняные ноги» такого хозяйства, оно падало, страна нищала. То же, *mutatis mutandis*, применимо и к «огосударственным» обществам, державшимся на эксплуатации и рабстве масс. По самой своей сущности их процветание было в большинстве случаев мнимым. На поверхности их были: дворцы Растрелли, шедевры искусства, пышность, утонченные чувства, прекрасно одетые господа, а внизу под ними - вымирающий от голода и податей народ, дикость и невежество и... примитивные способы ведения хозяйства. Все это могло держаться до поры до времени - до первого серьезного экзамена истории, в виде ли войны или революции. С наступлением его вся пышность и внешний блеск проваливались и на их месте появлялось подлинное лицо такого общества: анархия, дикость, бедность, голод, зверства и гибель «культуры». Не будь этих внешних источников богатства - военного грабежа и бесчеловечной эксплуатации - не было бы даже и этого пышного фасада таких мнимо процветающих огосударственных обществ.

Таков вкратце вывод, получаемый из изучения многочисленных опытов «огосударственного» общества, и таково объяснение мнимых исключений из этого правила. Наш (да и современный Западно-Европейский) опыт огосударствления только

социально-экономическую организацию об-ва». «Экономист». № 2. Там же и главнейшая литература Там же указаны и основные причины - война и голод, - ведущие к такой деформации. Подробное исследование этого вопроса мной дается в подготовляемой к печати особой монографии «Об огосударственном обществе, его сущности, причинах и следствиях».

лишний раз подтвердил это общее правило. Все, что государство национализировало у нас, все, к чему оно прикасалось вплотную, сразу же замирало и умирало или начинало агонизировать.

Словно все виды производства опрыскивались сказочной "мертвой водой". Национализировали промышленные предприятия - деятельность их стала агонистичной, во многих случаях прекратилась. Национализировали жилища - дома стали разваливаться. Взались за национализацию торговли - все исчезло с рынка, не исключая и государственных лавок: они были пусты. Занялись основательно государственным налаживанием сельского хозяйства - посевы сократились, скот уменьшился, инвентарь пришёл в негодность, совхозы и колхозы не только ничего не давали государству, но даже не окупали себя и требовали государственной субсидии. Принялись за организацию «планового, рационально-поставленного государственного хозяйства» - и наступила такая анархия, по сравнению с которой анархия капиталистического общества прямо рай.

Такое следствие нашего огосударствления не случайность, объясняемая неумелостью и неопытностью организаторов. Последняя, конечно, имела кое-какое значение, но чисто второстепенное. Источник этих следствий глубже - в самом характере «огосударственного» хозяйства и общества. Таково первое основание моего парадокса, опирающееся на опыт истории и наш собственный эксперимент.

Второе основание даёт прямое наблюдение за частными и государственными предприятиями в государствах Запада хотя бы за последние четыре-пять десятилетий. Стоит поставить вопрос: в которых из них дело было поставлено хуже, более архаически, технически отстало? Ответ будет гласить: несомненно в государственных предприятиях. Технические и хозяйственные усовершенствования совершались не чрез последние, а чрез частно-капиталистические предприятия. Но может быть в государственных предприятиях массе рабочих и служащих жилось лучше? Может быть лучше и выше оплачивался их труд и короче был рабочий день? Увы! Нет, как общее правило. Но может быть производительность труда здесь была выше? Ведь здесь работали и работают не на частное лицо, а на пользу общества? Увы! Кому же неизвестно, что производительность труда и напряженность работы государственных чиновников, служащих и даже рабочих гораздо ниже, чем служащих и рабочих на частных предприятиях. И Ллойд Джордж, в одной из своих речей в 1919 г., отвечая на требование национализации шахт, мотивированное, в частности, соображениями о подъеме производительности работы шахтеров при национализации, весьма иронически и убедительно отпарировал этот довод простой ссылкой на производительность труда государственных предприятий: она оказалась значительно меньшей, чем в негосударственной промышленности. Про наш опыт я уже не говорю. И с точки зрения продуктивности труда, и с точки зрения вознаграждения за труд, и с точки зрения эксплуатации рабочих слоев и крестьянства, работающих в государственных предприятиях и на государство положение их было и остается печальным во всех отношениях. Производительность труда - ничтожная. Вознаграждение - кроме верхушек «спецов» - обрекающее на довольно быструю голодную смерть. Эксплуатация - жестокая, и часто бессмысленная. Недаром же, кто мог и раньше «врозь разбрелись». Недаром же и теперь, кто может, переходит в частные предприятия.

Таков второй аргумент в пользу моего парадокса. Этих указаний на опыты истории и результаты прямого наблюдения, пожалуй, достаточно, чтобы парадокс потерял свою парадоксальность.

Достаточно потому, что мои доводы состоят не в рассуждениях, а в указании на факты. Если в лаборатории производится ряд опытов и все опыты дают результат, противоположный ожидавшемуся, то не обязан ли экспериментатор заключить отсюда, что его предположение было ошибочным, а правильным является противоположное? То же относится и к опытам жизни. Они заставляют определенно признать указанное деградирующее влияние огосударствления.

Констатируя последнее, нетрудно понять, почему оно неизбежно при огосударвлении.

Во-первых, потому, что и здесь оказывается в значительной мере вынутым из оборота бессознательно гениальный стимул «личного интереса» и «личной ответственности». За лень, непредусмотрительность, неумение чиновник не несет личного риска. Его жалование ему обеспечено. Его обычная рядовая напряженность наград и премий не дает. Стало быть излишне ему выбиваться из сил. Гораздо лучше «тихо и плавно качаться» в «куртульном кресле», подписывать входящие и исходящие и ждать - с ходом лет службы - автоматического передвижения по «табели рангов» или протекции «родного или знакомого человека». Такое поведение не может не отражаться на всей работе государственных учреждений. Мудрено ли поэтому, что слова: «чиновник» и «бездеятельный человек», формально относящийся к делу, стали синонимами. Наряду с отсутствием стимула «личного интереса» здесь отсутствует и второй кнут развития производительных сил: конкуренция. В то время, как частные предприятия волей-неволей должны напрягать все усилия, чтобы победить шкурников - иначе они будут выброшены за борт, государственное хозяйство, огражденное китайской стеной монополий, может «дрыхнуть» сколько ему угодно, вплоть до полного развала. Немудрено, что оно оказывается всегда архаическим, отсталым, негибким и консервативным в худом смысле этого слова. Оно поистине напоминает собаку на сене, которая и сама его не ест, и другим не дает.

Во-вторых. Известно, что чем сложнее машина, тем лучше должны быть пригнаны ее части. Малейшая неточность, не гибельная для простой машины, здесь портит все дело и вызывает негодность всего аппарата. Когда государство пытается забрать в свои руки все дело регулирования хозяйством и руководить им из центра, по единому государственному плану, то положительный результат управления таким сложнейшим механизмом, как народное хозяйство, может получиться только при условии «пригнанности» всех его частей, при условии предусмотрения бесконечного числа обстоятельств, вплоть до самых детальных. Стоит упустить из виду одно условие - иногда совершенно ничтожное - и весь план летит к черту. Может быть в Америке сейчас и возможна такая гениальная предусмотрительность. Но чтобы это возможно было у нас, где, садясь на поезд из Павловска в Питер, не знаешь: проедешь ли ты час или 10 часов, где, купив у мужика дрова, дав задаток и обещав ему всяких благ, не знаешь, привезет он их или нет, - извините, не поверю. Сиди в В.С.Н.Х., в Совете Труда и Оборона и в Госплане гении из гениев - и то были бы бессильны все предусмотреть и предвидеть. А так как у нас там сидят едва ли гении, то и выходит, что чем лучше выработан план - тем более несуразным он оказывается на деле, чем решительнее нас уверяют в том, что пойдет гладко, тем более катастрофичной оказывается досадная «заминка». Недаром же обыватель острит, что В.С.Н.Х. так хорошо все знает, что не в состоянии даже сказать, сколько у него служащих. Правда, работа кипит, бумаги входят и выходят целыми ниагарскими водопадами, но... воз застрял и топчется на месте по пословице: «хвост вытащит, нос увязнет» и обратно.

В-третьих, бюрократизм и бесконечная казенная волокита - неизбежный атрибут «огосударственного» хозяйства. О роли их так много писалось, написано и столь отчаянно кричат о ней и сами руководящие органы государственного хозяйства, что мне можно на этом не останавливаться. Поистине, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко и грешнику чрез все мытарства ада, чем деловому человеку без нарушения законов и обхода их что-либо сделать чрез В.С.Н.Х. или «Госплан». Кому нужны факты и примеры того отсылаю к книге П. Маслова «Мировая социальная проблема». Там читатель найдет их. Выгоднее и легче достать 10 фунтов гвоздей, съездив за ними специально за границу, чем получить их - не нарушая норм права - чрез хозяйственные органы государства.

В-четвертых, огосударствление хозяйства неизбежно ведет к нездоровому разбуханию чиновничьи-бюрократического слоя за счет действительно производительных

классов общества. «В маленькой Австрии при социалистическом правительстве чиновников так много, что каждый шестой житель - чиновник. Если же прибавить сюда солдат, жандармерию и служащих по местному самоуправлению, то картина будет еще более удручающая»⁵. У нас в Москве по переписи 1920 г. из 1 млн. жителей «советских служащих 231 тыс., не считая членов их семейств. С членами же они составляют около половины жителей, а из второй значительная часть специально обслуживает первую»⁶.

Сходное мы имеем и по всей России. То же было и в других огосударственных обществах, например, в Риме III-IV вв.

Легко понять, какие следствия вытекают отсюда для народного хозяйства. Процент действительно производительных слоев оказывается весьма малым, а потому... продукция страны не может не падать. Не приходится удивляться тому, что здоровые страны очень чутко реагируют на всякое значительное увеличение числа чиновников, как на «чуму бюрократизма»⁷. Эта «чума» неотъемлемое свойство огосударственного хозяйства.

В-пятых. Частно-капиталистическое хозяйство с его принципом личной ответственности и личного интереса представляет тонкий механизм, сравнительно хорошо производящий отбор талантливых организаторов от бездарных. Разорение и расстройство предприятия - вот тот Дамоклов меч, который непрерывно вышвыривает за борт неудачных хозяев и предпринимателей. Здесь ни «табель о рангах», ни многолетнее полирование казенного стула, ни протекции тетушек, бабушек и собутыльников не помогают и не спасают бездарных хозяев. В итоге, удержаться, пройти на верхи хозяйственной деятельности, как общее правило, могут только действительно талантливые организаторы. Совершенно иную картину дает государственное хозяйство. Здесь этого селекционного аппарата нет. Иван Иванович - тупица и бездарь - здесь может годы занимать высокий пост, ничего не понимая в нем, потому что он хорош с X-ом, потому что у него есть «рука». Дело идет плохо? Получились убытки? Ничего, казна все покроет. Казенный карман неисчерпаем. Вот почему, в общем и целом руководителям государственного хозяйства оказывались далеко не лучшие организаторы, далеко не «talанты». Нет надобности говорить, что и это условие не может не отражаться на хозяйственном развитии и процветании страны.

В-шестых. Обычной чертой «огосударственной» экономики служит беспримерное хищничество, взяточничество, мошенничество и прочие «хорошие спутники». Бешеный разлив спекуляции, мошенничества, взяточничества и т.п. в наше время не есть специфическая черта нашего режима, а неизменное свойство всех «огосударственных» обществ. Разъедающая и тормозящая роль таких явлений не требует пояснений.

В-седьмых... Впрочем, нужно ли проводить эти в-«седьмых», в-«восьмых» и т.д., которых можно привести в большом количестве. Не достаточно ли приведенного, чтобы понять, почему «огосударственное» хозяйство есть низшая форма организации производительных сил страны, почему оно неизбежно ведет к деградации последних, почему все опыты его установления давали и дают отрицательные эффекты.

После неудачного опыта это по-видимому, было понято и у нас. Новая экономическая политика означает сужение экономических функций государства и в этом смысле является опять-таки правильным шагом, продиктованным крайней степенью обнищания.

Но опять и здесь она не проводится достаточно решительно. Мало того, проведение его приняло и принимает формы, внушающие серьезную тревогу и за развитие производительных сил и за судьбы народа.

---

⁵ *Боголепов*. Европа после войны. С 67.

⁶ *Б. Ларин*. Веселая арифметика. Красн. газ., 1921. 22 янв.

⁷ Конгресс С.А.С. Штатов, где за время войны число чиновников также увеличилось, уже в январе 1921 г. сразу прекратит выдачу жалования 11000 чиновникам. *Боголепов*. Там же. С. 67.

Допущены концессии, аренда и др. суррогаты собственности, но - последняя до сих пор не декретирована. К чему такая скромность и ложный стыд? Цена их всем известна, а минусов от этого более, чем достаточно. И они весьма серьезны. Такой «скромностью» государство направляет частный интерес в русло хищнически-спекулятивного растаскивания остатков средств и орудий производства страны и «разбазаривает» без всякой пользы для себя и страны последние крохи наших богатств. В арендованные в таких условиях предприятия капитал - сколько-нибудь значительный - не вкладывается, а просто из них выжимаются остатки того, что они могут дать при чисто хищнической эксплуатации («снимают жир»). Ничего не налаживается таким путем, а только доламываются и обесцениваются остатки. Спекулянт наживается, а страна проигрывает. Нельзя же считать серьезной выгодой те крохи, которые он по договору обязуется уделять в пользу государства.

Второе. Наивная вера в спасительность «государственной» крупной промышленности привела на почве отступления к созданию т.н. «трестов». Слово громкое, но решительно не соответствующее сути дела. Правильнее их называть государственными богадельнями особого типа, дающими засевающим в трест лицам права и привилегии предпринимателей, и великодушно избавляющими их от всякого риска и экономической ответственности. В целях сохранения иллюзии «государственной крупной промышленности» создали самые бесполезные, самые вредные, самые хищнические капиталистические институты, - убежище для авантюристов и бездарностей, настоящие лениво-паразитарные организмы. По уставу ряда трестов - большинства - большая часть их капитала составляет из вкладов государства. Правлению предоставляется автономия. Но риска трест не несет: возможные убытки - а они будут неизбежными - покрывает то же государство. Недурно! Идеальная синекюра. Но что от этого выигрывает само государство и страна? Решительно ничего, кроме фикции, - пустого слова - «государственный трест». Несравненно выгоднее и для того, и для другого настоящий капиталистический трест. Прежде всего он, конечно, будет живее и производительнее, а не будет трестом на бумаге. Главное же, здесь государство и народ не обязаны покрывать результаты неудачного хозяйничания и больших appetitов новоявленных «государственных капиталистов». С этой точки зрения я вполне солидарен с возмущением г. Ларина. Но отсюда надо делать вывод не о необходимости возврата к настоящему «огосударствлению», а противоположный - о необходимости немедленного перехода от этих «монстров», от этой чудовищной помеси «огосударствления» и «капитализма» к настоящему, здоровому, чистокровному капитализму. Я знаю, что при отсутствии исключительных обстоятельств, этот переход будет сделан. Его придется сделать. Но было бы слишком дорогим удовольствием, если бы на этой стадии «монстров» мы задержались длительно. Право же, страна уже достаточно разорена, чтобы на ее плечи сажать еще новый вид народных паразитов в угоду фикциям и неудачливым прожектерам по части «государственной организации труда и промышленности».

Если, действительно, мы хотим поднять и возродить хозяйство, мы должны ограничить и сузить до максимума объем экономических функций государства, свести его, по крайней мере, до тех пределов, которые имелись в недавнем прошлом. «Или-или» - такова дилемма. Или сократим их - тогда возможно поднятие производительных сил страны; или оставим их в существующем объеме - тогда надо мириться с продолжением хозяйственного развала и с вымиранием. Третьего выхода не дано... Нелишне прибавить к сказанному и то соображение, что разгрузка государства от несвойственных ему функций позволила бы последнему лучше выполнять его прямые обязанности. Кто берется за все и вся - тот неизбежно плохо делает все, за что он хватается. Нельзя объять необъятного. Государство, взявшее на себя руководство хозяйством, не может уделять полного внимания на охрану внутреннего порядка, на суд, на ряд культурных функций и т.д., с одной стороны, и на те экономические функции (железные дороги, финансы), которые были и могут оставаться в его руках, с другой. Ограничение существующего объема его экономической дея-

тельности требуется и с этой стороны. Вывод из сказанного ясен: в целях поднятия хозяйства страны необходимо сокращение «хозяйственной деятельности» государства до максимальных пределов, близких к пределам до войны. Всевозможные «государственные тресты» (кроме немногих) должны быть распущены, «Внешторга», «Госпланы» и «Совнархозы», как источники хозяйственной анархии, спекуляции, взяточничества и хищничества, как тормоза к развитию производства, и как бесплодные, но дорого стоящие государству статьи расхода, должны быть распущены целиком или же сокращены в десять-двадцать раз и в составе, и в функциях. От этого не только не произойдет никакого ущерба, но будет одна выгода во всех отношениях. Максимум простора должен быть предоставлен частной и свободно кооперативной хозяйственной деятельности.

Таково второе основное условие, без которого невозможно поднятие производительных сил страны и возрождение хозяйства.

§4

Третьим основным условием достижения этой цели служит введение надлежащего правового порядка в широком смысле этого слова и тех предпосылок, без коих он немислим и невозможен. Совокупность всех правовых норм, действующих в данном обществе, с объективной точки зрения, является системой стимулов, которые могут либо тормозить, либо содействовать напряженной и продуктивной производительной деятельности населения. Если, например, право общества таково, что оно предписывает гражданам отдавать 95% их продукции государству, то, очевидно, этот стимул будет великолепным тормозом всякой напряженной деятельности хозяйственно «сильных» членов общества. Если далее правовые рефлексы (поступки и убеждения) населения таковы, что не тормозят актов захвата чужого достояния, одобряют его «экспроприацию», то такое правовое поведение мало способствует усиленной продукции и накоплению капитала в стране, ибо те элементы общества, которые это могли бы делать, при таких условиях эти функции не будут выполнять ввиду бесполезности их для них самих. То же применимо и к тысяче подобных случаев.

Всякая продуктивная экономическая деятельность возможна лишь в определенной правовой обстановке, при определенном правовом поведении как самого населения, так и органов власти. В обществе криминализованном, кишашем «преступлениями», как имущественными, так и личными, где нет спокойной уверенности в безопасности жизни, здоровья и других личных благ, с одной стороны, уверенности в том, что имущество и достояние не будет отнято первым встречным или властью, - с другой, где система взаимоотношений граждан друг с другом или населения с властью покоится на принципах лжи, обмана, мошенничества, голого насилия, короче - шакализма, с потерей <...> в таком обществе о продуктивной и здоровой хозяйственной деятельности населения говорить не приходится. Она здесь так же невозможна, как невозможно цветение роз в климате полярных стран. Для хозяйственно-негодных лиц такая «правовая» и социальная среда отличный стимул, укрепляющий их «шакальное» поведение. В такой общественной «мутной воде» они отлично «ловят рыбу», прекрасно чувствуют себя и размножаются с быстротой бактерий, находящих-ся в подходящих условиях. Зато хозяйственно-продуктивные элементы здесь неизбежно будут задыхаться и таять: и физически - в силу непосильной работы, ее бесплодности для них, неизбежной борьбы с «шакалами» при защите своего достояния и т.д. они будут гибнуть ускоренным темпом, и социально, ибо такие условия и их будут стимулировать в сторону такого же шакализма, трансформировать их поведение в направлении той же «легкой наживы», хищничества, обмана, насилия. В итоге продукция общества неизбежно сокращается и приводит его к бедности и вымиранию. И никакие искусственные стимулы, вроде наказаний, вроде устрашений и т.д. этого обнищания остановить не могут. Никакой механизм бесконечного контроля и опеки сверху не в состоянии обезвредить указанные эффекты такой «правовой» среды, не в состоянии заменить гениальный регулирующий аппарат здорового правового порядка.

За эти годы множество здоровых правовых рефлексов у населения России «развинтилось», ряд других не могут выполняться, ибо они тормозятся множеством нездоровых социальных и моральных условий. Пока такое состояние длится - не может быть никакой речи о действительном возрождении народного хозяйства. Все воззвания и лозунги, требующие усиленного хозяйственного труда населения, вся пропаганда необходимости бережливости, накопления, заботливого обращения с орудиями производства, все попытки привлечь необходимый нам сейчас до зарезу иностранный капитал, все это обречено на неудачу и ничего, кроме спекуляции, хищничества и шакализма создать не может. Для действительного поднятия народного хозяйства и продукции страны необходимо коренное изменение существующих правовых условий. Оно должно быть осуществлено как властью, так и населением. Усилия обоих этих элементов должны быть соединены и слиты. «Новая экономическая политика» кладет начало такому установлению здорового правового порядка. Но опять-таки начало весьма и весьма робкое, совершенно недостаточное и паллиативное. Если на этом пункте она остановится и «больше уступок не будет» - напрасны все мечты о возрождении народного хозяйства. Они останутся мечтами. И здесь перед нами та же дилемма. Дело пастырей народных выбирать исход. Наше дело - дело простых граждан - указать им, что выбрав путь «больше уступок не будет», они не могут надеяться на достижение основной цели: приостановки вымирания населения России.

Было бы в высокой мере нежелательным, если бы для достижения этого правового условия возможности возрождения хозяйства стали необходимыми конвульсивные и спазматические социальные явления. Они столь дорого стоят, что много раз подряд такую «роскошь» не может позволить себе ни один народ; тем более не можем больше позволить его мы, находящиеся в крайней степени обнищания. Довольно. «Хорошенького помаленьку.»

Эти здоровые правовые условия в развернутом виде общеизвестны. В существенном они сводятся к следующему.

1) К тому, чтобы граждане России чувствовали себя действительно гражданами, субъектами прав, участниками, членами единого общего коллектива, а не бесправными париями, не объектами прав, не материалом в руках народных пастырей. «Отнимите у людей их продукты или лучше заставьте их производить под угрозой, конфискуйте их труд, их время, их личность, доведите их до состояния феллахов, и вы получите только труд и продукт этого труда феллахов, т.е. минимум труда и продукта, т.е. производство, недостаточное для его прокормления. В итоге такой системы виднеется ее финальный результат - не недоедание, а голод, настоящий голод и вымирание народа миллионами... И здесь то же: aut-aut ставит ультимативно история тем, от кого зависит этот выбор.

Если это вымирание мы хотим остановить, то этот принцип гражданственности необходимо принять и реализовать. Он отвечает за признание и проведение принципа личности и ее основных прав: гарантий неприкосновенности и т.н. «свобод», начиная от свободы хозяйственной деятельности и кончая свободами: слова, печати и т.д. с теми ограничениями, которые имеются в любом «буржуазном» государстве, не превращающими, однако, эти права в щедринское: «Всем и каждому дозволяется ходить по тротуару. Примечание 1-ое: А ну-ка попробуй».

Этот принцип означает далее действительное, а не мнимое признание за населением его прав, как политических, так и личных и имущественных. Для этой цели требуется предоставление возможности реализовать ему эти права и уважение его воли, с одной стороны, с другой - изменение существующих правовых норм, в виде издания надлежащих кодексов: гражданского, уголовного, процессуального и т.д., с третьей - организация независимого и нелицеприятного суда, с четвертой - оздоровление исполнительно-административного аппарата агентов власти.

2) Рядом с этими условиями, зависящими главным образом от власти, требуются соответственные - и громадные - усилия и со стороны самих граждан, направленные к

той же цели. Они сводятся: к усилению до максимума производительного труда, к прекращению спекуляции и шакализма, к действительному уважению чужих прав, к неукоснительному исполнению своих личных и общественных прав и обязанностей, к взаимной доброжелательности, к честности и к соблюдению общественного мира. Таково вкратце третье условие, sine qua поп возрождения народного хозяйства и здоровой социальной жизни.

Не цели надоевшего мне до смерти «политиканства» или «подрывания устоев» заставляют меня напоминать эти трюизмы, а простой долг одного из членов безмерно страдающего русского народа. В интересах скорейшего облегчения этих страданий и в интересах мирной эволюции было бы желательным соединением усилий власти и граждан, направленное к совместной борьбе с постигшей нас катастрофой. Оно возможно объективно лишь при наличии указанных условий. Иначе... вымирание и новые социальные конвульсии в равной мере, полагаю я, нежелательные ни для власти, ни для народа. Повторяю, такую «роскошь» мы не можем более позволить себе.